

СЛАВЯНЕ

В. И. Довженок

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ *

Вопрос о происхождении Руси так же стар, как сама историческая наука в России: первым его поставил родоначальник русских историков — летописец Нестор¹. Этому вопросу он подчинил идею своего основного труда, который так и назвал: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Кiever начал первее княжити и откуда Русская земля стала есть». Много в этом труде наивного, взятого, согласно средневековым историческим представлениям, из библейских легенд. Но основной его смысл исторически обоснован и справедлив. Существо этой мысли состоит в том, что Русь — древнерусский народ, его государство и культура — результат длительного предшествующего развития местного восточнославянского населения. Такая идея первого русского историка остается непоколебимой и в наше время, хотя попыток ее поколебать было немало в историографии.

Идеи автора «Повести временных лет» о происхождении Руси безраз-

дельно господствовали в исторической науке до середины XVII в. С изложения взглядов Нестора начинали свое повествование русские и украинские летописцы XV—XVIII вв., среди которых следует назвать составителей «Никоновской летописи», «Русского хронографа», «Царственного летописца» и других известных и анонимных авторов этого времени. К числу выдающихся русских историков — последователей взглядов Нестора — принадлежит автор начала XVIII в. Василий Никитич Татищев, который древней Руси посвятил два тома «Истории Российской». В. Н. Татищев отстаивал положение, что государство у восточных славян возникло в результате потребностей внутренней жизни общества. Подобные взгляды высказывал автор «Синописа», которым считают архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля².

Разногласия и споры историков по вопросу о происхождении Руси начались с первой половины XVIII в., когда появилась пресловутая норманская теория. Содержание этой теории сводится к тому, что Русь не имеет местных корней в восточнославянском обществе, что древнерусское государство, древнерусская культура и даже само имя Русь принесены извне норманами — народом германского корня, жившим в Скандинавии и появившимся на Руси в IX в. под именем варягов. Авторами этой теории были историки Г. Байер, Г. Миллер, А. Шлецер и М. Щербатов. А. Шлецер, например, писал о славянах в Восточной Европе до появления здесь норманов: «Конечно, люди тут были бог знает с которых пор и откуда, но люди без правления,

* Статья посвящена одной из важнейших и остродискуссионных проблем истории ранних славян, представляет собой часть комментария к словам летописца «Откуда есть пошла Русская земля». Этот комментарий состоит из трех разделов, посвященных культурам: зарубинецкой, черняховской и раннерусской, датируемой второй половиной I тыс. н. э. В публикуемом тексте В. И. Довженок наиболее четко и полно излагает свои взгляды на поставленную проблему. Этот этюд даст, надемся, достаточное представление о том, насколько глубоким был замысел работы и как много потеряла отечественная историографическая наука от того, что начатый труд остался незавершенным.

Примечания с пометой (ред.) выполнены М. Ю. Брайчевским, остальные принадлежат автору и оставлены без изменений.

жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли из леса»³.

С этих пор борьба норманистов и антинорманистов стала в русской исторической науке одним из тех явлений, которые определяли ее идейное содержание. Уже при своем появлении норманская теория вызвала резкие возражения со стороны ученых, понимавших ее научную беспочвенность и идейную порочность. Первым против норманистов выступил М. В. Ломоносов. За ним последовали Г. Эверс, М. Максимович, С. Геденон, В. Ламанский, Д. Иловайский и другие историки. К историкам примкнули многие прогрессивные общественные деятели России: А. Радищев, Н. Тургенев, М. Фонвизин, В. Белинский, А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов и др.

Однако норманисты удерживали господствующие позиции в исторической науке на протяжении всего досоветского периода. Последователями норманской теории были многие из крупнейших русских историков XIX — начала XX в. — Н. Карамзин, С. Соловьев, М. Погодин, В. Ключевский, Н. Рожков. Следует подчеркнуть объективные причины длительного существования в исторической литературе норманской теории. Основной из таких причин был недостаток исторических источников, которые объективно и конкретно освещали бы внутреннее состояние восточнославянского общества, в особенности в период появления варягов на Руси и в предшествующее время. Письменные сведения в этом отношении так скудны, что дают простор всяческому измышлению. Поэтому норманская теория уступала свои позиции в литературе по мере появления новых видов источников, наиболее объективно отражающих все стороны внутренней жизни общества (прежде всего — археологических памятников), и по мере вооружения исторической науки новым совершенным методом познания — историческим материализмом.

Вопрос о происхождении Руси как народа и государства является одним из основных в отечественной историографической науке. От его решения

зависит наше представление о первопричинах и условиях, которые привели к созданию одного из наиболее могущественных государств средневековой Европы; о том, кто был субъектом в процессе создания этого государства — восточные славяне или пришлый и чужой славянам народ; себе или пришельцам обязаны восточные славяне своим этническим именем Русь. Ответ на этот вопрос определяет историческую оценку Киевского государства в целом. А Киевская Русь — это тот важнейший исторический рубеж, от которого исторический процесс в нашей стране начинает новый отсчет. Поэтому данной проблемы так или иначе касались все советские историки и археологи, обращавшиеся к эпохе Киевской Руси, а многие выдающиеся специалисты посвятили ему фундаментальные исследования. В их числе можно назвать Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, П. Н. Третьякова, А. Н. Насонова, В. В. Мавродина и многих других.

Киевская Русь возникла не вдруг. На протяжении долгого времени складывались условия для ее формирования. Первым, основным, условием было экономическое развитие восточных славян, разложение у них родоплеменных отношений и сложение отношений классовых. Вторым условием было образование древнерусской народности в результате ликвидации родоплеменной общественной структуры. Как эти процессы протекали конкретно, исторические источники освещают скупо, но все же позволяют представить ход истории в основных чертах.

Можно наметить три основных исторических этапа на пути возникновения Киевской Руси. Каждому из них соответствуют особые типы археологических памятников или особые археологические культуры. Каждый такой этап в какой-то мере отражен и в письменных источниках.

В течение I тыс. н. э. на восточнославянских землях сменялись три археологические культуры: зарубинецкая, существовавшая на рубеже н. э., когда античные авторы упоминали славян под именем венедов; черняховская —

в первой половине и середине I тысячелетия н. э., когда византийские авторы знали восточных славян под именем антов, и русская культура второй половины I тыс. н. э., когда о восточных славянах начинают говорить летописные тексты.

В археологической литературе вызывает споры и разногласия отношение названных культур друг к другу. Главной темой дискуссии является вопрос, в какой мере эти культуры отражают последовательный исторический процесс, завершившийся образованием Киевской Руси.

Есть археологи, отрицающие приемственность и последовательность исторического развития на восточнославянской территории до середины I тыс. н. э. и тем самым отрицающие славянскую принадлежность археологических культур предшествующего времени. Особенно остро стоит вопрос о среднем звене, репрезентованном черняховской культурой, и это выдвигает его в качестве главного предмета полемики. Основанием для отрицания автохтонности развития восточнославянских земель как раз и является наличие здесь разных культур и отсутствие якобы переходных звеньев, связывающих эти культуры. Сторонники этого взгляда исходят из того, что за каждой археологической культурой стоит особый народ, а смена культур означает смену населения. Правда, никто из них прямо такого мнения не высказывал, но оно является исходным в подобном роде концепциях.

Между тем археологическая культура — категория историческая. Она отражает не только черты различия, присущие разным народам, но и черты общности единого народа на разных этапах его истории. Что касается связующих элементов между последовательными культурами одного и того же народа, то они находятся в прямой зависимости от многих фактов, прежде всего от темпов исторического развития данного народа. Связующие элементы между последовательными культурами одного и того же народа могут быть хорошо выраженными в том случае, когда развитие осуществляется эволю-

ционно и постепенно, когда старые явления долгое время уживаются с новыми. Однако исторический процесс происходит не всегда медленно, но и путем внезапных и резких изменений, вызванных особо важными внутренними и внешними обстоятельствами. В таких случаях трудно бывает проследить переходные формы в развитии материальной культуры. Этим объясняется тот факт, что так трудно отыскать переходные моменты многих элементов культурного комплекса на разных этапах развития конкретного народа. Примером могут быть культуры восточных славян второй половины I тыс. н. э. и древнерусской, или же эпохи Киевской Руси, и послемонгольского времени, которые, несомненно, принадлежат одному народу, но на разных этапах его исторического развития характеризуются такими отличиями, что между ними имеется больше разных черт, нежели сходных. Это приходится иметь в виду и при обращении к проблеме черняховской культуры и ее места в процессе развития восточнославянских народностей I тыс. н. э.

В черняховскую эпоху (первая половина и середина тысячелетия), как сказано, славяне были известны греческим авторам под именем антов. Сообщение византийцев и археологические материалы черняховской культуры позволяют достаточно ясно представить социально-экономический уровень восточных славян первой половины I тыс. н. э.

Черняховская культура, занимавшая всю Восточноевропейскую Лесостепь (Поднепровье, Южное Побужье, Поднестровье) представлена большим количеством памятников. В настоящее время известно более двух тысяч поселений и могильников⁴. Из них около ста поселений и 70 могильников подвергались археологическим раскопкам. Они распространены по всей лесостепной зоне.

Поселения располагаются преимущественно на солнечных пологих склонах небольших рек или балок, в удобных для земледелия местах, вблизи воды. По размерам они разнообразны (от 1 до 20 га) Постройки на них имеются

как наземные столбовой конструкции, так и углубленные в землю, с деревянными стенами, часто плетеными и обмазанными глиной. Жилища имеют площадь от 20 до 50 м². К жилым зданиям примыкают хозяйственные постройки. Известны хозяйственные комплексы, которые состоят из жилища, хозяйственных помещений и хлевов для скота. Среди производственных сооружений хорошо известны железоплавильные и гончарные горны, ювелирные и стеклянодельные мастерские, помещения для размола зерна и др.

Обрядом погребений на могильниках черняховской культуры являются трупосождения на стороне с захоронением остатков кремации в урнах или ямах без наземных признаков или трупоположения, иногда с расчленением тела покойника. Захоронения сопровождались одной или несколькими посудинами, содержащими остатки пищи, металлическими деталями одежды, украшениями, костяными гребешками и т. д. К памятникам черняховской культуры относятся клады римских монет, которых обнаружено около 150.

Определяющим фактором хозяйственной жизни славян первой половины и середины тысячелетия было земледелие. Византийские авторы IV в. рисуют антов как общество, экономической основой которого прежде всего было земледелие и связанное с ним скотоводство. Маврикий Стратег (Псевдомаврикий) свидетельствует, что «у них большое количество скота и земных плодов, которые лежат кучами, особенно проса и пшеницы»⁵. Тот же автор как военный специалист рекомендует учитывать богатство славянских земель как источник продовольствия для войска во время военных действий против славян⁶. Другие византийские писатели упоминают у склавинов и антов поля и посевы, которые во время вражеских нападений подвергались опустошению⁷.

Археологические памятники черняховской культуры подтверждают и дополняют сведения письменных источников. Среди них особое значение имеют земледельческие орудия. Известны многочисленные находки наральных, серпов и кос на поселениях чер-

няховской культуры⁸. Часть наральных относится к типу широколезвийных, которые являлись рабочей частью орудия плужного типа, способного подрезать и переворачивать верхний слой почвы.

Уровень развития земледелия, отраженный в сообщениях византийских писателей и в памятниках черняховской культуры, явился основой для выделения ремесла в самостоятельную отрасль производства и тем самым — для второго общественного разделения труда. В качестве самостоятельного производства у восточных славян, создающих черняховскую культуру, существовали металлургия и гончарное дело⁹. Подтверждением этого являются находки в памятниках черняховской культуры остатков железоплавильных мастерских, печей для обжига посуды и технически совершенной ремесленной продукции, имевшей массовый характер, рассчитанной на сбыт. На базе общественного разделения труда развивалась внутренняя и внешняя торговля, ярким свидетельством которой являются находки римских монет отдельными экземплярами и в кладах.

Технические усовершенствования в области производства и общественное разделение труда приводили к изменениям в области социально-экономических отношений. Господствующей формой социальной организации были самостоятельные в хозяйственном отношении семьи, объединенные в территориальную общину. Можно допускать для этого времени и наличие патриархальной семьи, но последняя уступала место семье индивидуальной как производственной и социальной единице общественной структуры. О этом свидетельствует характер поселений, которые состояли из обособленных хозяйственных дворов. Такой двор располагал всем необходимым для жизни и производственной деятельности отдельной семьи. При этом существовали разные в социально-экономическом отношении дворы. Некоторые принадлежали сравнительно зажиточным семьям.

Примером такого богатого двора может служить комплекс, раскрытый на

поселении черняховской культуры у с. Леськи Черкасской обл. Этот двор состоял из восьми помещений и хозяйственной ямы. Здесь были жилище, разделенное на четыре комнаты, погреб, три помещения для животных (одно из них отличалось значительными размерами и предназначалось, видимо, для рабочего скота), два сооружения производственного назначения (из них одно, где найдены запасы глины, возможно, было гончарной мастерской) и сарай. Несомненно, что этот и подобные ему дворы представляли собой обособленные и производственные единицы; двор на лесковском поселении мог принадлежать либо патриархальной семье, что вела крупное хозяйство, либо индивидуальной, которая пользовалась трудом зависимых производителей. Все другие социально-экономические показатели черняховской культуры и характеристика антов византийскими писателями говорят в пользу второго предположения.

Показателем имущественной и социальной дифференциации восточнославянского общества первой половины I тыс. н. э. являются находки римских монет. Клады с сотнями и тысячами монет, несомненно, были закопаны отдельными зажиточными лицами и им принадлежали. Количество этих, разумеется, не исчерпывается количеством известных науке кладов. Не каждый из зажиточных зарывал свое денежное имущество и не каждый закопанный клад к настоящему времени обнаружен и фиксирован.

Сведения византийских авторов об имущественном положении отдельных представителей антского общества соответствуют той характеристике восточнославянского общества, которая вытекает из археологических материалов. Иоанн Эфесский говорит, что анты стали богатыми, имеют золото, серебро, много коней и много оружия¹⁰. Конечно, он имел в виду не всех антов, а только их общественную верхушку. Византийским писателям были известны некоторые наиболее выдающиеся по своему положению лица антского происхождения. Так, Менандр упоминает о целой династии антских вель-

мож — об отце Идаризии, о сыновьях Межемире и Калагасте.

Источником частной собственности у антов, засвидетельствованной археологическими памятниками и сведениями византийских авторов, был, видимо, труд зависимого населения. Из показаний письменных источников вытекает, что анты использовали труд рабов, которыми становились военнопленные. Прокопий говорит как славяне после удачных военных походов возвращались со многими десятками тысяч военнопленных¹¹. Естественно, что военнопленные, если они не выкупались на волю, не сидели без дела. Но в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие считать, что рабский труд у антов уступал месту труду производителей, находившихся в иных формах зависимости. Маврикий Стратег свидетельствует, что анты и склавины не держали пленных постоянно в рабстве, а после некоторого срока предлагали им на выбор: за определенный выкуп возвратиться домой или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей¹². Обычно исследователи комментируют это сообщение в том смысле, что военнопленные, которые не могли дать за себя выкуп, оставались у славян равноправными членами общины. Но в таком случае остается непонятной цель захвата большого количества военнопленных и положение военнопленных, которые должны не по своей воле, а по принуждению оставаться у победителей.

Более правдоподобным будет предположение, что военнопленные, неспособные уплатить за себя выкуп, попадали в зависимость, отличную от рабской, что не исключало некоторой личной свободы. Последнее могло явиться основанием для византийского автора, знавшего самые жестокие формы классового угнетения, считать их свободными людьми. Такая зависимость представляла собой, вероятно, нечто вроде положения серва или крепостного.

Этническая принадлежность черняховской культуры до сих пор вызывает споры археологов. Но в Восточной Европе существовал славянский народ, которому могла принадлежать культу-

ра такого масштаба. И также не было в Восточной Европе в первой половине I тыс. н. э. другой крупной культуры, кроме черняховской, которая могла бы принадлежать бесспорно существовавшим в это время славянским племенам. Отрицание славянской принадлежности черняховской культуры означает, что ярко выраженная археологическая культура оказывается без народа, который ее создал, а твердо засвидетельствованные письменными источниками славяне в Восточной Европе остаются без принадлежавшей им археологической культуры.

Вызывает возражение и гипотеза П. Н. Третьякова, пытающегося найти в Восточной Европе корни славянской культуры, минуя культуру черняховскую¹³. Этот исследователь признает славян автохтонным населением в Восточной Европе и приписывает им зарубинецкую культуру последних веков до н. э. и первых веков н. э. Во II в. н. э. зарубинецкие племена, по его мнению, были вытеснены из Среднего Поднепровья носителями черняховской культуры. Под их натиском славяне продвинулись на север, в районы Верхнего Приднепровья и Волго-Окского междуречья. С этой миграцией П. Н. Третьяков связывает появление там культуры, напоминающей по некоторым признакам зарубинецкую, названной им поздnezарубинецкой культурой. В середине тысячелетия, когда население черняховской культуры якобы ушло из Восточной Европы, на освободившиеся земли с севера возвратились славяне — потомки тех зарубинецких племен, которые за три века до того покинули южные районы ради северных. Этим возвратившимся славянам принадлежат памятники второй половины I тыс. н. э. типа поселений в Пеньковке, которые якобы сохраняют традиции зарубинецкой культуры.

Гипотеза эта справедлива в той мере, в какой признает славян абorigенами Восточной Европы. Автор ее справедливо указывает на некоторые общие черты, связывающие памятники зарубинецкой культуры с восточнославянской культурой второй половины I тыс. н. э., но решительное возраже-

ние вызывают его попытки объяснить эти явления миграцией населения.

Не бывает вынужденных миграций, когда без важных причин целый народ бросил бы свои насиженные места и перешел бы на новые земли. И для зарубинецких племен во II в. не было причин, которые вынудили бы их вдруг оставить благодатные пространства Среднего Поднепровья и перекочевать в менее выгодные условия верхней Десны, Волги и Оки. Среди племен Восточной Европы начала н. э. не найден след тех воинственных завоевателей, которые вынудили бы племена зарубинецкой культуры на такую миграцию.

Памятники черняховской культуры рисуют отнюдь не воинственное население. Они не содержат признаков, которые характеризовали бы носителей черняховской культуры как агрессоров, изгнавших население зарубинецкой культуры с их насиженной территории. Наоборот, черняховская культура имеет ярко выраженный мирный характер. Эта ее особенность выступает настолько очевидно, что существует определение черняховской культуры как безоружной. С другой стороны, в памятниках зарубинецкой культуры не обнаруживается никаких признаков военного насилия — нападения или погрома, что обязательно имело бы место, если бы зарубинецкие племена были насильственно изгнаны из мест их обитания. Закономерным является вопрос, откуда могло прийти население, оставившее памятники черняховской культуры, если оно не было потомками зарубинецких племен. Гипотеза П. Н. Третьякова не дает ответа на этот вопрос и даже не ставит его. В действительности нет другой территории, где черняховская культура могла бы сформироваться и откуда она могла бы продвнуться в область восточноевропейской Лесостепи.

Для объяснения следов традиции зарубинецкой культуры в памятниках второй половины тысячелетия нет необходимости прибегать к надуманной гипотезе о двойной миграции зарубинецких племен — сначала на север, а затем на юг. Эти традиции сохранились на месте, и их нужно искать в

памятниках черняховской культуры. Именно отсюда они перешли в памятники второй половины тысячелетия.

Еще В. Хвойка не без основания отмечал генетическую связь между зарубинецкой и черняховской культурами, объединяя их по обряду погребения. В настоящее время черт, объединяющих зарубинецкую и черняховскую культуры, известно науке больше, чем признаков, объединяющих зарубинецкую культуру с культурой второй половины тысячелетия.

В исторической интерпретации черняховской культуры есть много спорного. Для решения дискуссионных вопросов нужно всестороннее ее изучение — от общеисторической обстановки, в которой она складывалась, до отдельных предметов, которые ей принадлежали. Но и на современном уровне изучения черняховской культуры нам известно в основном все то, что определяет ее историческое содержание. Особенности культуры позволяют представить и характерные черты народа, которому она принадлежала. Этот народ был оседлым, длительное время проживавшим в лесостепных районах Восточной Европы. Это был многочисленный народ, который с таким количеством населения не мог появиться вдруг и неизвестно откуда. Такой народ мог вырасти только на месте в результате длительного предшествующего развития. Черняховская культура создавалась в условиях Лесостепи. Этим условиям подчинена вся хозяйственная деятельность населения, все обычаи и верования. Экономические и культурные связи с римскими провинциями, сарматским миром и народами Центральной Европы, что прослеживаются по материалам черняховского типа, уточняют эту территорию областями Среднего Поднепровья, Побужья и Поднестровья. Только славяне были здесь исконным автохтонным населением.

Конечно, черняховская культура обладает специфическими чертами, что не связывается с предшествующей зарубинецкой и последующей славянской культурами. Эти черты требуют своего объяснения и являются основным аргументом для тех, кто исключает эту

культуру из исторического процесса славянского населения в Восточной Европе. Но этот аргумент теряет свою силу, если принять во внимание внешние влияния, которым подвергались черняховская культура и создавший ее народ.

Вообще культурных влияний в историческом процессе нельзя недооценивать. В первой половине I тыс. н. э. вся Европа в той или иной мере находилась под влиянием более высокой римской культуры. В Средней Европе культура этого периода, подобная во многом черняховской культуре, определяется как культура римского периода. Так в 30-е годы некоторые ученые называли черняховскую культуру. Это влияние сказалось в распространении римских монет и римского импорта, заимствовании технических знаний в некоторых отраслях производства, особенно в гончарном ремесле; в распространении некоторых форм посуды, напоминающих провинциально-римскую посуду и соответствующих новой гончарной технике. Экономические и культурные связи восточнославянского населения с Римской империей не могли не оказать влияния и на социально-экономические процессы внутри общества, содействовали общественному разделению труда, что выразилось в возникновении крупных ремесленных центров, развитии торговли с денежным обращением и т. п. Несомненно, что общество, создавшее черняховскую культуру, в середине или в начале второй половины I тыс. пережило какие-то важные события, нарушившие исторический процесс. Результатом этих событий являлось исчезновение черняховской культуры и появление славянской культуры второй половины I тыс. Такими событиями были Великое переселение народов и падение Римской империи. Они оказали большое влияние на жизнь многих европейских народов. Восточные славяне не стояли в стороне от общеевропейских событий и не избежали такого влияния.

Лесостепные районы Восточной Европы, где была распространена черняховская культура, оказались на первой линии великого переселения народов.

В конце IV — начале V в. в Азово-Черноморских степях господствовали гунны. Как соседи восточных славян они не могли не соприкасаться с ними, а как воинственные кочевники не могли не нападать на них и не разрушать их поселений¹⁴. В середине VI в. через лесостепные земли восточных славян прошли авары, оставившие о себе печальную память в виде записанной летописцем легенды о насилиях над дубами. Славяно-аварские и славяно-византийские войны VI в. не обошли стороной и славян, обитавших в Восточноевропейской Лесостепи. Принимали они участие и в заселении Балкан.

В этих условиях объяснимы многие из тех изменений, которые отмечают исчезновение культуры черняховской и возникновение восточнославянской культуры последующего времени. Находят объяснения гибель в огне многих черняховских поселений¹⁵, сокращение числа поселений, изменение их топографических условий. Для мирных земледельцев, которыми были славяне, не лишним было скрывать свои поселения в труднодоступных кочевникам-конникам местах, в заболоченных поймах или на возвышенностях, изрезанных балками и оврагами. Разрушенными или заброшенными оказались ремесленные центры. А сокращение числа рыночных потребителей не создавало условий для быстрого их восстановления. В гончарном производстве стало преобладать домашнее изготовление посуды путем ручной лепки¹⁶.

С падением Римской империи во многом изменилась историческая обстановка внутри страны, создавшаяся под влиянием экономических и прочих связей с Римской империей и римскими провинциями. В этой обстановке примитивней стала материальная культура. Исчезли прежние изящные формы посуды, которые были позаимствованы от римской культуры вместе с гончарной техникой. Возобновились традиционные формы лепной посуды, которые существовали здесь еще в зарубинецкой культуре и сохранялись частично в лепной керамике черняховской культуры. Исчезли импортные предметы римского или провинциально-римского происхож-

дения. Прекратилось проникновение на восточнославянские земли римских монет, а те, что здесь оставались, с сокращением внутреннего рынка постепенно вышли из денежного обращения.

Словом, изменение всей исторической обстановки, наступившее в Восточной Европе в середине I тысячелетия н. э., не могло не отразиться и на принадлежавшей восточным славянам археологической культуре. Черняховская культура сменяется культурой восточных славян второй половины I тыс.

¹ В настоящее время текстологическое изучение древнерусских летописей приводит к выводу, что начальные сведения «Повести временных лет» восходят к более ранним сводам, из числа которых древнейшим была «Летопись Аскольда», составленная около 865—866 гг.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, быльи, летописи.— М., 1953.— С. 159—173 (ред.).

² Иннокентий Гизель в 1646—1656 гг. (то есть в период народно-освободительной войны под руководством Б. Хмельницкого) был ректором Киевской коллегии (ред.).

³ Цит. по: Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен.— М., 1933.— Т. 1.— С. 9.

⁴ Приведенные В. И. Довженком цифры в настоящее время устарели. Ныне известно более трех тысяч поселений черняховского типа (ред.).

⁵ Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ.— 1941.— № 1.— С. 253.

⁶ Там же.— С. 256.

⁷ Там же.— С. 247.

⁸ Источниковедческую разработку вопросов, связанных с земледельческой техникой черняховских племен, см. в книге автора «Землеробство древней Руси».— К., 1961 (ред.).

⁹ С большой степенью уверенности можно говорить о следующих отраслях ремесленного производства у носителей черняховской культуры: черной металлургии (добыча железа), кузнечном деле (обработка черных металлов), гончарстве, ювелирном искусстве; возможно, — о выделке стекла, вещей, украшенных выемчатыми эмальями, а также костяных гребешков: Брайчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності.— К., 1964.— С. 204—220 (ред.).

¹⁰ Мишулин А. В. Указ. соч.— С. 252.

¹¹ Там же.— С. 241.

¹² Там же.— С. 253.

¹³ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.— М., 1966.— С. 254—265.

¹⁴ В настоящее время мысль об уничтожении гуннами черняховских поселений оставлена: Петров В. П. Етногенез слов'ян.— К.,

1972.— С. 11—26. Раскопки поселений данного типа обычно не несут следов насильственного уничтожения (ред).

¹⁵ Следы пожарниц на поселениях черняховской культуры встречаются сравнительно редко и не обнаруживают следов военного по-

грома; в частности, здесь не находим скелетов убитых жителей, оставленного на месте домашнего скарба и т. п. признаков, столь ярко выступающих, скажем, на древнерусских поселениях, разгромленных Батыевым нашествием (ред).

И. С. Винокур, В. Ф. Мегей

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ РУБЕЖА И ПЕРВЫХ ВЕКОВ НОВОЙ ЭРЫ

Регион Среднего Поднестровья рубежа и первых веков новой эры представлен памятниками нескольких в целом синхронных археологических культур: гето-фракийской, зарубинецкой, восточно- пшеворской и сарматской. Указанные культуры часто выступают в Среднем Поднестровье не только как хорошо выделяющиеся комплексы в древних поселениях и могильниках, но и в виде отдельных элементов. Наряду с «чистыми» археологическими комплексами этих культур в среднестровском регионе имеются памятники со смешанными морфологическими особенностями (рис. 1).

Попытку определения историко-культурной принадлежности среднестровского населения рубежа и первых веков новой эры предприняли в конце 30-х годов М. А. Тиханова¹. Этому же вопросу были посвящены работы М. Ю. Смишко². В последние годы накоплен новый фактический материал и сделаны определенные обобщения по древностям рубежа и первых веков новой эры в Поднестровье³. Вместе с тем еще и сейчас имеется ряд важных вопросов истории и культуры племен Поднестровья рубежа и первых веков новой эры, которые ждут своего разрешения. Это касается прежде всего историко-культурной и этнической интерпретации археологических памятников указанного времени.

Цель настоящей статьи — еще раз обратить внимание исследователей на зону Среднего Поднестровья, которая для рубежа и первых веков новой эры имеет теперь уже стационарно исследованные, эталонные памятники, а также

материалы из многочисленных разведок.

На Среднем Днестре в памятниках рубежа и первых веков новой эры активно взаимодействовали традиции зарубинецкой, гето-фракийской и восточнопшеворской культур. Они составляли основу, субстрат для активного проникновения указанных соседствующих массивов. Вместе с тем в регионе присутствуют и инфильтраты: памятники или их элементы сарматской, а для черняховской культуры и поморско-мазовецкой (древности типа Брест — Тришин — Дитиничи) культур.

Обратимся прежде всего к стационарно изученным памятникам. Важное место среди них принадлежит поселению Великая Слободка Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. Раскопками 1980—1984 гг. здесь открыты остатки 38 жилищ рубежа и первых веков новой эры. Это были наземные и полуземляночные постройки в плане прямоугольной и квадратной форм. Средняя площадь жилищ 15—20 м², они ориентированы своими стенами или углами по сторонам света. Конструкция стен построек столбовая или срубная. Стены обмазывались глиной, о чем свидетельствует глиняная обмазка, зафиксированная на месте большинства исследованных жилищ. Отопительные устройства в жилищах представлены открытыми очагами, глинобитными печами и печами-каменками (рис. 1, 1).

Хозяйственно-вещевой комплекс селища характеризуется наличием серии каменных зернотерок и появлением первых единичных круглых ротационных каменных жерновов. В комплексе